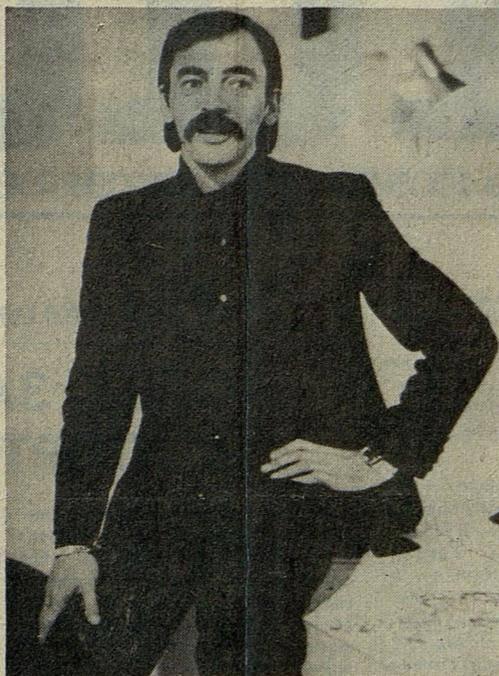

СОВЕТСКИЕ

МДВ

ЧЕЛОВЕК СО ШПАГОЙ

Наш собеседник —
заслуженный
артист РСФСР
Михаил БОЯРСКИЙ

ский, Козаков... Ромашин, который ушел из театра. Соловей, которая пришла в театр. Они ничего не потеряли, только приобрели. Я целиком и полностью за смену!

— И, между тем, так привержены своему романтическому герою...

— Романтический герой — прежде всего, человек свободный. В прошлые века человек со шпагой мог противостоять кому угодно и скольким угодно. Он мог высказаться — тоже кому угодно и как угодно. Он знал один закон — закон чести. И действовал, сообщаясь исключительно с ним. И со своим представлением о нем. А дальше — бог в помощь. И — шпага. Сейчас это просто невозможно. Человек находится в производственных отношениях, он выполняет план. В крайнем случае он может уйти в горы. Если хватит решимости и здоровья.

Романтика — это способ поведения. Людей, воспитанных в традициях, среди которых уважение к женщине

было не на последнем месте. А сейчас женщину можно даже ударить. И если нет свидетелей и не «сняты побои», поди привлекти обидчика. И свою честь нельзя отстаивать на дуэли или умереть — надо доказывать, что ты прав. Я не говорю уже об одежде мушкетеров, хотя и это немаловажный атрибут — плащ и шляпа с перьями, — в ней себя человек ощущает совершенно иначе. А современный солдат похож на убийцу. И ничего удивительного: раньше война была делом благородным, своеобразная игра, она и велась по законам игры. А как только начал развиваться технический прогресс и изобрели пули и порох, результаты не заставили себя ждать, эффект не замедлил явиться. И он страшен. Помните, шпаги, свечи, танцы — другие характеры. А стоило людям начать гордиться — мчаться в автомобилях, а не на лошадях, в самолетах, а не в каретах, все покатилось... Они перестали танцевать, а стали прыгать. Перестали писать письма, а начали об-

мениваться информацией по телефону. Да даже не информацией, а какими-то нечленораздельными междометиями: угу, ага, ничего, никак... Сонеты — где они? Все ушло. Люди были богаты душой и бедны технически. Прогресс стал залогом духовной нищеты. Чем дальше, тем страшнее. Послушайте «Сегодня в мире» — страшно, но мы уже устали пугаться. Смерть, слезы матерей — все привычно. Сейчас весь мир вздрогнул от Чернобыля, но разве подводные лодки начинены клубникой? И любя из них...

— Что же делать?
— Не знаю. У меня у самого дети, мама... Жить надеждой, что все живут надеждой, каждый человек — и тогда победит рассудок. Разум. Здравый смысл...

— Которым мы так стали гордиться, перестав писать письма и читать сонеты при свечах. И любить — до безумия. И — дружить, не думая о собственной выгоде. Д'Артаньян — для вас это серьезно?
— Сейчас трудно об этом

говорить. В детстве я не игрался в мушкетеров. Это — тоска по несбывшемуся. У Дюма ведь нет скрупулезного психологического исследования.

— А я думаю, что есть: все, что происходит с его героями, все устремления, поступки достаточно убедительно психологически мотивированы.

— Но д'Артаньян — это не Раскольников.

— Д'Артаньян — это д'Артаньян, но он не менее сложен.

— Мы, тем не менее, видели его как антиобраз Дон-Кихота, неуклюжего, всегда побитого рыцаря, который дрался против всех зол и... А у Дюма: Арамис — сплетник и бабник, Атос — пьяница, Портос — чревоугодник. Опустившиеся люди — и д'Артаньян явился к ним как человек необычной энергии, как человек, верящий в любовь, — как аккумулятор их погасших чувств. Они увидели в нем то, что в них самих угасало...

— Дюма — редкий писатель. Посмотрите: Портос — предоступен, бесхитроsten и просто доверчив, Арамис — хитер, умен и дальновиден, Атос так много знает про эту жизнь, так отягощен этим знанием, что поступки не нужны, они ничего не изменяют — ноша неподъемна. Д'Артаньян же, молодой, энергичный, честолюбивый д'Артаньян — банк, в который они вкладывают свой капитал. И результаты себя превосходят.

— Разумеется, вариантов — сотня, но у нас был свой, и я гнул свою линию: наш д'Артаньян верил в успех, поднимал друзей за собой — и выигрывал, и побеждал. А когда компания разваливалась, вновь появлялся у каждого на пути д'Артаньян, и вновь все вместе творили чудеса. В каждой компании есть такой человек, который заводит и ведет за собой остальных.

— Вам не хотелось бы сыграть стареющего д'Артаньяна?

— Я думаю, что так оно и будет.

— Что питает ваш интерес к актерской профессии?

— ..... (длгий, внимательный взгляд).

— Словами здесь не сказать?

— Словами здесь не сказать. Но попробую. Когда я хотел стать артистом, это был инстинкт. Сейчас это — гражданская позиция. Не со знаком плюс — просто гражданская позиция. У каждого должна быть своя. А в газетах почему-то если пишут, что она у кого-то есть, то обязательно в превосходной степени. На мой взгляд, самая сильная гражданская позиция была у Высоцкого, хотя ее таковой не называли. Актер — это диагностика. Он должен правильно ставить диагноз тому времени, в котором живет.

В моих ролях реализовывать эту задачу трудно, хотя гражданская позиция моих романтических героев, всех, вплоть до Овода, выражалась очень определенно, и кончали они трагично. Я мало играл современных героев. И, признаюсь честно, пока не очень хочу — они лишены смелости сказать то, что на самом деле существует, в них много ложного пафоса. Точнее всех героя нашего времени выразил Вампилов — Зильовый в «Утиной охоте». Пожалуй, герой нашего времени ближе тому странному лермонтовскому философу, который достаточно созерцательно относится к происходящему. Он способен оценить то, что происходит внутри себя, что вокруг — уже сил нет. И — подставляет себя — под водку, под скандалы... Спортивные герои у нас есть, герои-производственники есть, но они герои в своей сфере деятельности, а не герои нашего времени. На Вампилове драматургия замерла.

— Нет талантливых драматургов?

— Насчет таланта не осведомлен. Но грамотных драматургов — не знаю. Таких, которые бы, как Островский, владели законами

сцены. Пьеса стала всеядной — все равно, для театра ли, для кино. А если ее можно реализовать где угодно, значит, человек написал не пьесу, а тему для режиссера. А актеры, увы, не приносят готовую продукцию. И я не продюсер, который выискивает драматургов, да и не компетентен в этом вопросе. Но про Островского могу сказать точно: Островский — сценичен.

— Поэтому с режиссерами вам трудно?

— Я сейчас не могу устраивать режиссеров. Я мешаю. У него своя задумка, пьеса — сплошной простор, а я мешаю. И сам недоволен тем, что происходит, потому что не могу мешать другим людям.

— И давно такое несоответствие?

— Человек — он ведь живой — переживает, радуется, ругается, смеется... Он меняется постоянно. И я тоже меняюсь вместе со временем. И то, что проповедую сегодня, завтра мне покажется чуждым. Вот дерево — ствол живет, он остается тем же, но меняются листья, опадают сухие сучья, и если ураган не поломает, не погнет, оно будет тянуться вверх. Так — каждый из нас людей, актеров. Театр учит молодежь тому-то, театр воспитывает то-то, театр пропагандирует... Как от этого устаешь! Чему учит Бетховен? Чему воспитывает Ван Гог? Что пропагандирует Достоевский? Я часто вспоминаю Пушкина: «...Чувства добрые я лирой пробуждал...».

Редкое интервью в напечатанном виде заканчивается там, где журналист ставит точку. Но чем дольше мы говорили, тем отчетливее становилось ощущение: предомной не тот Боярский, популярный, с гитарой, к которому привыкли нас экран. Останемся на том, что «человек — он ведь живой, он разный»...

Беседу вела
Элла АГРАНОВСКАЯ.
Фото Николая ШАРУБИНА.